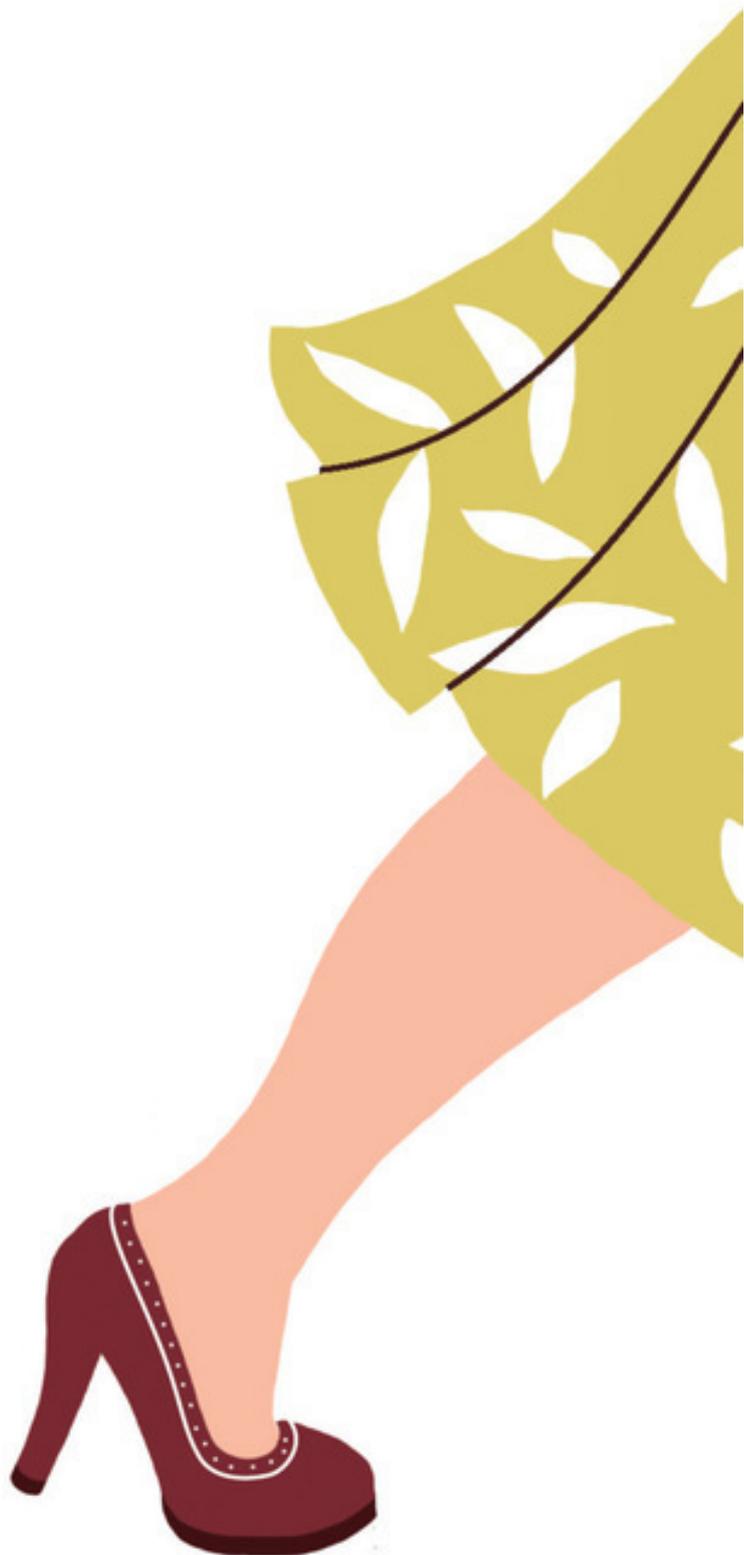

ЕЛЕНА
БАДАЛЯН

И ЦЕЛОЙ
ЖИЗНИ
МАЛО...

*Сборник
рассказов
о любви*

Елена Бадалян

И целой жизни мало... (сборник)

«Грифон»

2014

УДК 821.161.1-3.09
ББК 84.4 (2Рос=Рус) 6-4

Бадалян Е.

И целой жизни мало... (сборник) / Е. Бадалян — «Грифон»,
2014

ISBN 978-5-98862-212-3

Сборник утонченных рассказов о любви.

УДК 821.161.1-3.09
ББК 84.4 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-98862-212-3

© Бадалян Е., 2014
© Грифон, 2014

Содержание

Городские зарисовки	5
Калейдоскоп	7
Вчера была зима	9
Ветка багульника	11
Гостя из прошлого	14
Куда уводят мечты...	17
И целой жизни мало...	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Елена Бадалян

И целой жизни мало...

Сборник рассказов о любви

Городские зарисовки

Всё как всегда. Обычный день в обычном городе. Серый, пасмурный, промозглый. Идёт дождь. Или это только кажется? Их можно увидеть сразу с нескольких точек. Такое впечатление, что снимается кино. Удачно подобраны актёры, выбран правильный ракурс. Вот сейчас раздастся знакомое «мотор», и вся съёмочная группа придёт в движение. Одни будут отчаянно изображать любовь, другие её тщательно снимать. Потом оператор махнёт головой, показывая, что всё в порядке, а режиссёр крикнет подуставшим актёрам «Снято!» – и все разойдутся до следующей сцены. Я видела, как снимают кино, видела в каком-то фильме, хотя не уверена, что всё бывает именно так. В конце концов, какая разница, это сейчас не имеет ровно никакого значения.

Они просто не думают об этом. Они стоят на виду у всего города, слегка прикрываясь от дождя зонтом. Мне всегда казалось, что, если подглядываешь за чужими переживаниями, просто так, из любопытства, приобретаешь неоценимый опыт, как актёры, которые перед съёмками, пытаюсь понять своих героев, влезают в их шкуру. Разве не сказал великий классик, что весь мир – театр? Конечно, мы все играем. Кто-то лучше, кто-то хуже, кому-то талант дан от рождения, и они всю жизнь, как на сцене, живут чужим опытом, чужими эмоциями, всем тем, что подсмотрено или увидено просто так, невзначай.

...Люди проходят. Пробегают мимо, спешат по своим делам, а они всё стоят и стоят, ничего не говоря друг другу. Просто держатся за руки и пристально глядят друг на друга, как бы стараясь запомнить всё до мельчайшей чёрточки. Это начинает надоедать. Хочется какого-то движения, развития действия, того, что отличает хороший фильм от плохого, хочется сопереживания героям, а тут – полнейшая неопределённость и больше ничего! Я смотрю, уже не таясь. Мне так важно понять, что между ними происходит, как будто от этого зависит моя собственная жизнь. Как будто, упустив какой-то эпизод, я потеряю важное звено в цепи и уже не смогу сложить всё в единое целое, не смогу получить нужной картинки... Где-то я уже видела всё это...

...Он сидит на какой-то железке, как нахохлившийся воробей, и, пока я подхожу к нему, вся моя подготовленная речь застревает в горле, и вместо уверенного голоса – какой-то сип. Он смотрит на меня с такой болью, что я не могу говорить ничего, у меня пропадает способность воспроизводить что-то членораздельное. Он тоже молча указывает мне на место рядом, и я сажусь, такая покорная и кроткая, как будто не готовилась перед этим часа три к оправдательному разговору. Мы молчим, и нас можно видеть сразу с нескольких точек. Город у нас такой маленький, что немудрено, если уже завтра о нашей встрече станет известно его жене. Всё старательно скрываемое в душе вдруг поднимается вверх нервной волной, и я понимаю, что через секунду просто разрыдаюсь. И я начинаю молоть всякую чепуху о том, как я добиралась сюда, как обманула всех и не поехала собирать со всеми грибы, а пришла, чтобы просто узнать, как он живёт. Он смотрит на меня, как смотрят на больного человека, с каким-то горьким недоумением, а я, понимая, что остановиться не могу, продолжаю совершенно пустой разговор. Он показывает мне перстень на левой руке. У меня холодеет спина. Память услужливо подбрасывает новую картинку... Обручальные кольца в лёгкой зыби бокала... Кто придумал, что кольца обязательно надо залить шампанским, и тогда-то уж точно навсегда... на всю

жизнь... Чтобы никогда не разлучаться... Мы расстались через неделю... Поверье не помогло. И сейчас мы в который раз мысленно пытаемся разобраться с тем, что произошло. Он молчит и только смотрит на меня, смотрит так, что я начинаю таять под его взглядом. Но ничего нельзя допустить. Он женат, и я почему-то чувствую свою дурацкую ответственность перед совершенно неизвестной мне женщиной, которая, не желая, встала между нами. Он начинает говорить. Сначала спокойно, потом всё больше и больше волнуясь, слегка заикаясь от этого волнения, и теперь уже я смотрю на него с тоской и недоумением, Какие-то старушки показывают пальцами в нашу сторону, и мы, гонимые обстоятельствами, всё-таки покидаем насиженное место и идём вперёд, не разбирая дороги. Я чувствую, что сил больше нет.

Нет сил сопротивляться ожившему чувству, нет сил противостоять нахлынувшему, и сейчас уже неважно, что будет с той женщиной, которая отняла его у меня.

Идёт дождь. У меня есть зонт, но я вспоминаю о нём только на трамвайной остановке. Как мы добрались сюда, совершенно непонятно. Мы смотрим друг на друга, запоминая каждую чёрточку, каждый жест, потому что чувствуем, что всё это уже не повторится никогда. Зонт висит над нашими головами, как застрявший между небом и землёй странный купол, защищающий нас от любопытных глаз. Он что-то говорит или мне кажется? Губы его шевелятся, но я не слышу ни звука и так же беззвучно отвечаю ему. Всё понятно и без слов. Потом что-то проясняется в сознании, и я слышу его слова о том, что он всегда рядом, что бы ни случилось. Я киваю в ответ, но знаю, что этого не будет... это нормально, естественно: быть рядом двум любящим сердцам и не иметь возможности прижаться друг к другу равносильно самосожжению на костре...

...Всё как всегда. Обычный день в обычном городе. Серый, пасмурный, промозглый. Я оглядываюсь. Этих людей уже нет на том месте. Я пытаюсь отыскать их взглядом, но всё безрезультатно. Я закрываю зонт. Дождь кончился.

Я иду к трамвайной остановке и слизываю с губ большие солёные капли. А я и не знала раньше, что дождевая вода так похожа на слёзы...

...Он уходит, не оглядываясь, просто на прощание слегка пожимает мне руку, боясь прижаться губами к моим губам...

...Кто сказал, что мы не играем? Кто-то лучше, кто-то хуже, но все мы актёры на подмостках жизни. Оператор кивает удовлетворённо, режиссёр кричит в рупор «снято», и актёры расходятся до следующего дубля. Видно, я что-то потеряла в этом эпизоде, упустила что-то важное, так и не смогла сложить нужной картинки. А надо ли?

Калейдоскоп

В тот день, когда ты, как обычно, вышел покурить, мне исполнилось двадцать пять лет. Желающих поздравить было так много, что скоро я уже сбилась со счёта. В конце концов, это дурацкая привычка – считать, сколько людей позвонило тебе в твой день рождения!

Ты вскочил с кровати, накинул бирюзовую рубашку, которую я тебе подарила, схватил пачку сигарет и подмигнул мне весело. Таким я тебя и запомнила...

...Сырой пронизывающий ветер, под ногами печально шуршат опавшие листья, в сквере почти нет людей, так, случайные прохожие, спешащие по своим делам. Но ей никто и не нужен. Шарфик, повязанный поверх лёгкого пальто, взлетает от каждого дуновения ветра.

– Держите, улетит! – кто-то кричит весело и задорно – она испуганно вздрагивает и поворачивается.

Он удивительно похож на волшебника. Если бы не лёгкая насмешка, чуть тронувшая губы, она бы подумала, что он сейчас спросит у неё про сокровенное желание.

Проходит всего полчаса, а она уже точно знает, что он волшебник. Они сидят в маленьком кафе на углу улицы Роз...

– Вы не знаете, почему эта улица носит такое красивое название? – спрашивает она, чтобы хотя бы так скрыть своё смущение. Он молча встаёт и уходит.

Может быть, её слова как-то обидели его?

Но спустя несколько минут он возвращается и кладёт на столик букет красных роз.

Её лицо светится от счастья.

– Как в детстве. Пока был жив папа, он на каждый день рождения дарил мне столько роз, сколько лет мне исполнилось. Мама всегда ругала его за чётное количество цветов, но он говорил, что не суеверен.

– Теперь я буду дарить тебе розы в день твоего рождения. Но таких роз больше не найдёшь нигде, их продают только здесь.

...Она знает, что он женат. Но, в конце концов, это не имеет для неё ровно никакого значения. Они встречаются в её маленькой квартирке на взморье, здесь так легко дышится и так счастливо живётся с Анри. У него есть маленькая дочь, которую он безумно любит, поэтому он не может рассказать жене о своей любви, но всё это дело времени, говорит он. И она слепо верит ему. Разве любовь способна сомневаться?..

...Анри вскочил с кровати, лихорадочно натягивая рубашку. Бог мой, как он мог забыть? Сегодня день рождения Лиз. Она с утра принимает поздравления по телефону.

Лиз мечтает сейчас только об одном: скорее бы всё закончилось, чтобы сказать Анри, как сильно она его любит.

...Он водит машину столько, сколько себя помнит. Ему нравится управлять этой своевольной громадиной. Он чувствует себя покорителем мира, а может быть, и Вселенной, когда ведёт свой тяжёлый джип по крутым горным дорогам. Он рад, что успел на улицу Роз до того, как были распроданы утренние цветы. На них всегда капельки росы, они блестят, как бриллианты, которые так пойдут его возлюбленной.

Он представляет, какой пленительно красивой будет она сегодня... в платье цвета спелой вишни, которое он купил ей заранее. Романтический вечер вдвоём в их уютной квартирке... Лёгкая улыбка трогает его чувственные губы, глаза наполняются влажным блеском. Как счастлив он с Лиз, и как жаль, что он не может полностью принадлежать ей. Мари – его пятилетняя дочь – вот его королева, которую он не променяет ни на одну женщину в мире, как бы сильно ни любил. Тесть вряд ли простит ему уход к другой и сделает всё возможное, чтобы запретить видиться с дочерью, а этого он не выдержит. Но прочь дурные мысли! Всё замечательно, и сегодня его ждёт необыкновенный вечер с любимой...

... Не вписавшись в поворот, он резко жмёт на тормоза, машину переворачивает несколько раз. Ещё какую-то долю секунды он пытается гаснущим сознанием понять, что происходит, но лишь какую-то долю... Всё меркнет перед глазами...

... По всему салону автомобиля были разбросаны красные розы.

Молоденький сержант держал в руке цветок, усеянный капельками росы:

– Двадцать пять... В центр ездил. В нашей округе таких не купишь, – как будто разговаривая сам с собой, произнёс он.

– А вы оказывается романтик, Нико! – Комиссар Дик весело смотрел на подчинённого...

Лицо сержанта вспыхнуло.

– Не вижу никакой связи, комиссар!

– Подсчитать в такой ситуации количество роз мог только романтик.

Комиссар ухмыльнулся в густые усы и отошёл в сторону.

Нико представил себе девушку, которой предназначались эти розы. Он с грустью представил себе, что придётся пережить ей, когда она узнает, что произошло. Ну что ж, жизнь есть жизнь. Он осторожно положил розу на капот покорёженной машины и подошёл к комиссару...

... Тебя нет несколько дней. Постель ещё хранит твоё тепло, брошена на спинку стула твоя домашняя рубашка, подушка сбита в комок в углу кровати. Мне совершенно не хочется наводить в комнате порядок. Ведь ты просто вышел покурить, а значит, можешь вернуться с минуты на минуту...

... Нико и сам не мог понять, зачем он решился на это. Он стоял с букетом свежих роз под дверью уютного особняка и никак не мог позвонить. А что, если реакция будет совершенно непредсказуемой? Рука неуверенно нажала на кнопку звонка. Дверь открыла миловидная женщина со следами печали на лице и вопросительно посмотрела на него.

Нико сдержанно кашлянул, как будто проталкивая в горло заранее подготовленную речь.

– Простите, мадам, я понимаю ваше состояние, но в машине вашего мужа был обнаружен букет красных роз, и мне захотелось, чтобы вы узнали, что в тот последний день он ехал к вам... вероятно, какая-то дата, очень важная для вас обоих...

Он сбился и замолчал. Женщина с грустной улыбкой приняла розы.

– Двадцать пять... – машинально пересчитала она, и повторила – двадцать пять...

– Это, видно, подарок ко дню рождения... – Нико пытался найти какие-то слова, чтобы объяснить женщине своё появление здесь.

– Хочу вас разочаровать, – с грустной улыбкой произнесла женщина. – Мой день рождения в декабре, и мне уже давно не двадцать пять. Но всё равно спасибо вам. Вы вернули меня в прошлое, где мы с Анри были действительно счастливы...

Нико поклонился, бормоча какие-то извинения, и стал спускаться со ступенек.

– Подождите!

Он обернулся.

– Может быть, вы выпьете со мной чашку кофе...

– Ну, если это не будет вам неприятно...

– Напротив, вы меня очень обяжете...

Дверь распахнулась шире, и хозяйка отступила в глубь комнаты, пропуская гостя...

... С того дня, когда ты, как обычно, вышел покурить, прошло много разных дней.

Но я точно знаю, что ты обязательно вернёшься. И продолжаю ждать...

Вчера была зима

– Варя, завтра у меня, в шесть! Не забыла?

Я киваю: как же, помню, помню. Зинка приглашает на день рождения. Я приду обязательно. Он появится в моей жизни завтра, но я пока не знаю об этом. Только какое-то предчувствие в груди: и страх, и волнение – да разве возможно описать словами то, что чувствуешь?

Наступает завтра, а с ним ожидание перемен... Полумрак в гостиной, плохо различимые фигуры. Лёгкий запах ментоловых сигарет, чей-то раздражающий шёпот, и на фоне всего этого... Прохладная рука стискивает мне пальцы, и мягкий приятный голос проникает в сознание:

– Меня зовут Вадим. А вас?

Я отвечаю. Всё как во сне: непонятно и оттого немного странно.

Мы движемся в медленном вальсе по кругу. Кажется, что уже никто не танцует, кроме нас.

Одна картина сменяет другую. Я помню только его. Всё остальное не имеет значения. Наступило завтра, и Он вошёл в мою жизнь, как входят в дверь собственной квартиры, уверенно и бесцеремонно.

Только Зинке я рассказываю о наших отношениях: она моя лучшая подруга.

– А ты знаешь, что он женат? – с волнением в голосе спрашивает Зинаида.

– Эй, ты хоть понимаешь, что делаешь?

Она всегда заикается, когда волнуется, но сейчас выпаливает на одном дыхании.

Мне важен только он. Зина крутит пальцем у виска:

– Ты понимаешь, что он скоро станет отцом?

– Каково будет его жене узнать о тебе?

Я не понимаю. Хватаю брошенное на стуле пальто – и к двери. Неужели никто в этом мире не видит, что я люблю его. Люблю – и точка. И сейчас я живу по закону любви. Здесь каждый за себя: я не отдам его никому и ни к кому не испытываю жалости...

Часы на кухне бьют полночь. Телефон жалобно пикает, извещая о новом сообщении. Это уже пятнадцатая эсмэска за день.

«Люблю, люблю, люблю», – строчу я ответ и замираю в ожидании.

Молчание так тягостно. Минуты тяжёлыми каплями падают в бездну.

«Завтра я приеду».

Опять это завтра, всепоглощающее завтра. Как глоток надежды. Но я люблю, и для меня завтра – столетия и века. Бесконечность ожидания.

Каждое утро – вздох облегчения. Я считаю часы и минуты до нашей встречи. Другой жизни просто не существует.

– Некрасова, к доске, – голос преподавателя возвращает в реальность, но не даёт ощущения земли.

Я застряла где-то там, под облаками... Мне так трудно возвращаться к ежеминутным проблемам.

Вывожу на доске даты, пытаюсь разыскать в моей затуманенной голове связь этих дат с какими-то событиями.

Я не хочу возвращаться в прошлое. Вчера его ещё не было со мной. Кажется, что всё ещё только начинается. Я живу предвкушением будущего.

Историк сокрушённо качает головой:

– Вы меня разочаровали. Может быть, вы больны?

Может быть. Любовь – это, наверное, болезнь. Вялотекущая или с температурными скачками, со своими осложнениями и кризами. А выздоровление – это потеря любви и смысла всего сущего.

После лекций вылетаю из института со скоростью ветра. Совсем немного – и он будет рядом.

Олег подходит откуда-то сбоку, выдёргивает буквально из-под ног какой-то кустик и торжественно вручает его мне:

– Спасибо.

– Куда пойдём?

– С тобой – никуда.

Он обиженно хмурится и шмыгает носом, как провинившийся мальчишка.

– Понимаешь, Варя, это совсем не тот человек, который тебе нужен.

Я громко смеюсь. Это они все от зависти. Ещё бы!

Олег бегаёт за мной с первого курса, но безрезультатно.

Звонок мобильного:

– Да, алло, – кричу я в трубку...

– Я не приеду сегодня.

– Значит, мы встретимся завтра?

– Никогда.

– Что? Я плохо тебя слышу!

– Никогда.

В ухе противно пищат отбойные гудки. Я прислоняюсь к стене, чтобы не упасть. Всё плывёт, какие-то мутные круги перед глазами.

– Варька, ты что? – испуганно бормочет Олег. Все последние месяцы проносятся как один миг. Его улыбка, его глаза, руки – всё такое конкретное, живое, но... теперь этого не будет со мной. Никогда! Я рвусь из рук Олега. Непонятно откуда взявшаяся Зинаида судорожно собирает какие-то вещи, вывалившиеся из моей сумочки. Господи, как же! Неужели это конец? Я не могу без него, не могу! Во всём был смысл, а теперь всё потеряло для меня значение.

Зина чувствует или я уже говорю вслух?

– Попробуй только! Дурочка, это ещё не конец, так нельзя!

Я рыдаю на плече подруги. Нет сил, нет смысла, ничего нет. А что дальше?

Пустота? Какой-то провал в мыслях. Словно стремительно несусь куда-то, и нет сил остановиться...

...Мягкая ручонка сына тонет в моей руке. Это ни с чем не сравнимо, ощущение покоя в душе. «Мама», – лепечет он, и меня захлёстывает волна восторга, и счастье как будто льётся рекой. Сын делится со мной детсадовскими новостями, захлёбываясь от радости. Алёшка пока ещё не умеет писать, но когда-нибудь мы напишем вместе письмо Вадиму и расскажем ему обо всём... Когда-нибудь... Если только захотим...

Ветка багульника

Свадьба удалась на славу. Гулянье продолжалось уже второй день. Инга чувствовала удовлетворение. Ещё бы. Она со всей ответственностью отнеслась к приглашению Иринки стать свидетельницей. Столько усилий потрачено было на подготовку торжества. Решили праздновать дома у жениха. И приятнее, чем в ресторане, всё-таки домашняя обстановка, да и гулять можно сколько захочется, никто тебя временем не ограничивает. Инга с Никитой, свидетелем со стороны Славки, и сценарий разработали, и частушки смешные про всех сочинили, а уж какой выкуп организовали – все гости ахнули. Все заметили, как у них двоих всё ладно выходит, и даже нет, нет, поговаривали, что не за горами ещё одна свадьба. Никитка, конечно, необыкновенный – они так сдружились за последнее время. И красив, и успешен в делах, а на неё смотрит затаив дыхание. Ну, чем не жених? Но не было восторга, полёта, и земля не уходила из-под ног. «Приглядиись повнимательнее, доченька!» – вздыхала мама.

«Да я уже пригляделась, мама, пригляделась, – Инга крутилась перед зеркалом в лёгких туфельках на умопомрачительных каблуках, – только дай мне ещё чуть-чуть воли хлебнуть, не торопи!»

«Смотри, долго ждать мужчины не любят, быстро другая окрутит», – советовала мать.

«Не окрутит!» Инга не переставала удивляться. О чём она говорит? Ведь Никитка, кроме неё, никого вокруг не видит, у него весь свет клином на ней одной сошёлся! Какие тут могут быть разлучницы?

Мать не скрывала волнения. Ей было непонятно, что ещё дочери нужно? Ведь любит он её, невооружённым взглядом видно, как любит. А ей всё полёт какой-то подавай. Молодая ещё, не понимает, что на самом деле важно.

Инга сидела по правую руку от новобрачной и гордо смотрела по сторонам. Она прекрасно видела восторженные взгляды мужчин, адресованные ей, Инге, и ей это бесконечно льстило и вызывало вполне естественное недовольство Никиты, который, поймав очередной, направленный на неё прямой взгляд, беспокоило ёрзал на месте, теряя последние остатки терпения и покоя. Но поводов для выяснения отношений не было. Подумаешь, смотрят! Ведь за это по физиономии не бьют!

Тосты лились рекой, поздравляли молодых, отчаянно кричали «горько» сильно подвыпившими уже голосами, а кто-то, опрокинув очередную рюмку прямо в горло, с напускным удивлением вытянул сипло: «А в вине-то сор! Сор в вине!» И откровенно нагло посмотрел затуманенными глазами на хорошенькую свидетельницу.

Никита резко вскочил со своего места, застёгивая пиджак непослушными пальцами. Инга слегка привстала, повернув голову в его сторону. «Ой, нет, так не пойдёт!» Гость явно не хотел мириться с полудействием и требовал полного спектакля. Инга поправила кофточку и медленно поднялась со своего места, как бы давая возможность всем налюбоваться крепко сбитой ладной фигуркой. Никита нервно ткнулся ей в губы, а потом, чуть отстранив, внимательно посмотрел ей в глаза и поцеловал увереннее, уже не отрываясь. Гости зааплодировали в восторге, а Мария Степановна, мама Славы, не преминула заметить, что свидетели проявили большее старание, нежели молодые, и все честные гости теперь уже перенесли всё внимание на жениха с невестой, требуя на разные лады повторения поцелуя. Никита о чём-то спросил её, усаживая на место, она кивнула, не вдаваясь в суть вопроса. Просто на другом конце стола, среди кричащих гостей, она заметила одно лицо, обращенное только к ней. Инга и раньше замечала этот пыливый взгляд, но никак не могла понять, почему он её так тревожит.

Отчим Славки, Виктор Иванович, смотрел чуть насмешливо, как ей казалось тогда, но взгляд этот будоражил, пугал, наконец, своей неопределённостью.

Мария Степановна подошла к мужу и что-то расстроено говорила ему. Он махнул головой и стал вставать из-за стола, продолжая смотреть в сторону Инги. Слегка поманил рукой, чтобы она вышла в коридор. Инга почувствовала холодок, бегущий по спине, и земля как будто на мгновение ушла из-под ног.

«Маша говорит, что вина мало, не рассчитали. Смотримся до магазина?» – Виктор Иванович держал её за руку и смотрел прямо в глаза.

«Со мной?» – Инга недоумевала.

«Но ты же права недавно получила, Славка говорил, водишь прилично, а я тут всё же под градусом, не очень хочется, чтобы в такой день милиция на хвост села. Ну что, поедем?»

Она согласно кивнула. «Может быть, я сгоняю, Виктор Иванович?» Никита неожиданно вырос у них за спиной.

«Да ну тебя! Посмотри, ты уже тоже не в форме, а мы с Ингой быстренько слетаем. Или ты мне свою барышню доверить боишься? Не бойся, не украду, стар уже для такой красавицы».

Никита густо покраснел, как будто уличённый в чём-то недозволенном, только метнулся подать пальто, шарф и шепнул тихонько: «Ты уж поосторожнее, милая, не гони, ладно?»

Свежий воздух приятно охлаждал раскрасневшиеся щёки. Виктор Иванович не сдержал восхищения: «Ну и красавица же ты, Инга! И косметики никакой не надо, всё естественное!» Инга покраснела ещё больше и до машины шла какая-то неожиданно тихая. Уже в машине она пришла в себя, уверенно расположилась за рулём. У неё как-то всё получилось легко, практически с первого занятия по вождению, и уже через пару недель она совершенно спокойно разъезжала по городу. Виктор Иванович сидел рядом, как бы думая о своём, но она чувствовала, что он тихонько рассматривает её, не желая привлекать внимания.

Народу в магазине не было. Они быстро загрузили багажник бутылками с вином и соком. «А теперь я тебя покатаю!» – Голос Виктора Ивановича был как-то нарочито бодр, и Инга вскинула на него удивлённые глаза: «Так вы же пили, как же...»

Он не дал ей договорить, махнул рукой на пассажирское место, и ей оставалось только подчиниться. Он ехал быстро, но уверенно, и в какой-то момент она совсем перестала беспокоиться: ас – он всегда ас. Она не спрашивала, куда он едет. Дома уже давно сменились лесополосой, мелькали голые, какие-то хрупкие в своей незащищённости деревья, но этот унылый пейзаж не мог испортить ей настроения. Ей было очень хорошо, и она просто боялась признаться себе в том, что хорошо ей от присутствия этого сильного, уверенного человека.

Остановившись на пригорке, Виктор Иванович вышел из машины, едва прикрыв дверь.

Он шёл вперёд, не оглядываясь, а она ждала, что будет дальше.

«Инга, выходи, иди сюда!» Его голос раздался издали, она уже не могла видеть его из-за деревьев.

Когда она подошла, он протянул ей тёмную ветку, покрытую маленькими сиреневыми цветочками.

«Чуешь, весна скоро! Вот и багульник расцвёл».

Инга взяла осторожно, как будто боялась повредить цветы, поднесла ветку к лицу. Запах был терпкий, манящий, влекущий куда-то. Инга подняла глаза на Виктора Ивановича. Он смотрел на неё так, как будто пытался понять, о чём она думает, смотрел взглядом, в котором смешались и восторг, и безграничная тоска, и горькая нежность. Всё было в этом взгляде, и ей стало не по себе. Она почувствовала, как почва летит из-под ног – ещё секунда – и она просто потеряет возможность трезво соображать. Что-то сильное, влекущее было в этом взгляде, взгляде взрослого мужчины. Трудно сказать, сколько времени они стояли так, сжимая в руках

ветку багульника. Он опомнился первым. «Пойдём, девочка, а то во мне проснётся зверь, а не человек».

Инга не могла сдвинуться с места. Она уже ничего не понимала из того, что происходило вокруг неё. «Я что-то сделала не так?» Голос её звучал испуганно и обиженно одновременно. Неожиданно он рассмеялся, да так задорно, что она улыбнулась в ответ.

«Всё так, всё так, это я медведь косолапый, не на свою грядку залез».

Всю обратную дорогу они молчали, и, только подъехав к дому и остановившись, Виктор Иванович резко развернул её за плечи и слегка прижал к себе. «Прошло время, прошло». Он говорил это скорее себе, чем ей, а она чувствовала, как слеза предательски катится по щеке и больно колото слева.

Никита с волнением бросился к ним. Она не ответила на его вопросительный взгляд, вымыла руки, вернулась к столу. Она видела, как в коридоре Мария Степановна отчитывала мужа за опоздание, с неприязнью смотрела на расплывшиеся, осоловелые лица гостей и чувствовала душевную опустошённость и разочарованность. Виктор Иванович присел рядом, шутил, подливал вина, к которому она даже не притрагивалась, и временами смотрел так же внимательно, как будто старался запомнить каждую чёрточку её красивого лица...

...На свадьбе Инги и Никиты тоже было много гостей. Теперь уже Слава и Иринка постарались от души. Славик пыжился. Его распирала законная гордость: он готовился стать отцом через пару месяцев, и это придавало ему значительности. Среди криков «горько» громче всех звучал низковатый голос Виктора Ивановича. Он смотрел на неё всё так же внимательно, но подошёл лишь один раз, чтобы поздравить с законным браком. И тогда волнующий, терпкий, манящий запах багульника вспомнился ей – и сердце сорвалось в пропасть...

Гостья из прошлого

Тридцатилетие мужа Марина решила отпраздновать дома. Беготня по магазинам, продумывание меню, генеральная уборка квартиры, приглашение в стихах для каждого гостя – все эти хлопоты доставляли ей удовольствие. Хотелось сделать всё как можно лучше, чтобы порадовать Павла.

Торжество удалось на славу. Не один раз звучали тосты не только за именинника, но и за хозяйку дома, благодаря которой состоялся такой грандиозный праздник.

Марина чувствовала себя королевой. Ей казалось, что их с Павлом медовый месяц неожиданно повторился. Трёхлетняя дочурка гостит у родственников, а у них впереди целых два выходных.

Уже все разошлись. Остался только Лёвушка, старинный приятель мужа, с которым они ещё в школе учились. Лицо Павла просто лучилось от счастья, и Марина, украдкой глядя на него, ликовала. Прощаясь, Лёва хлопнул друга по плечу, галантно поцеловал руку хозяйке дома и, хитро улыбаясь, сказал:

– Я там для вас такой подарок приготовил, закачаешься! Сюрприз!

При этом он как-то странно захохотал и посмотрел на Марину.

Когда дверь за Лёвушкой закрылась, Марина повернулась к мужу:

– О чём это он?

Павлик пожал плечами:

– Ты что, Лёвку не знаешь? Вечно у него сюрпризы какие-то. Разберёмся. Иди-ка лучше ко мне, моя милая жёнушка. Всё было великолепно! Спасибо, родная.

Марина разулыбалась:

– Да ладно тебе, ерунда.

Павел, прилично захмелевший после праздника, продолжал наступать:

– Ну, ну, скромница моя!

Он крепко обнял жену:

– А теперь будем смотреть подарки!

– Может, завтра, Паша? Честно говоря, у меня были несколько иные планы.

Но Павел настаивал.

– Кто сегодня именинник? – с напускной строгостью произнёс он. – Будем делать так, как мне хочется. Кстати, что там Лёвка говорил про какой-то сюрприз?

Разбор подарков подходил к концу, когда Павел вдруг обратил внимание на достаточно объёмный свёрток у стены:

– Это в Лёвкином стиле: поищите, мол, может, найдёте когда-нибудь.

На пакете маркером было выведено «Дорогому другу как напоминание о прошлом с наилучшими пожеланиями».

Они наперегонки рванулись к пакету и, смеясь, как дети, наспех раздирали бумагу, пытаясь добраться до подарка.

– Наверное, школьную парту упаковал, – смеялся Павлик, – или какую-нибудь книжку.

Сняли последний лист, за которым оказалась картина. Это был портрет женщины.

На картине была заметна размашистая подпись. Художник Степанов был очень известным в городе портретистом.

Павел присвистнул:

– Представляешь, сколько Лёвка за это отвалил! Сумасшедший!

Марина внимательно всматривалась в лицо женщины, показавшееся ей знакомым. Где-то она уже видела эти надменные глаза, яркие сочные губы. Сердце защемило от предчувствия. Таковую же фотографию она увидела в альбоме Павла, вскоре после того, как они поженились.

Павел рассказывал неохотно. Сказал только, что это его бывшая жена, с которой он расстался за несколько лет до встречи с Мариной. И больше ни слова. Вскоре фотография куда-то исчезла. Уже от друзей Марина узнала, как Павел любил жену, а она бросила его легко и безжалостно, укатив с проезжим кавалером за границу. «Но как её портрет оказался у Лёвы?»

Мысль билась в голове, не находя ответа. «Откуда это взялось?»

Павел теперь смотрел на портрет совершенно по-другому.

– Марина, а тебе не кажется?.. – шёпотом спросил он.

– Ничего мне не кажется! – жёстко сказала она. Хорошее настроение улетучилось в один миг. «Специально подарил, чтобы меня позлить!»

Ведь всегда чувствовала Лёвкино отношение к себе, а когда спросила как-то Павлика о причинах такого поведения друга, услышала в ответ:

– Он к Лине всегда очень трепетно относился, может, никак не мог мне простить, что так случилось. Мы же в школе все за ней бегали, а замуж она вышла за меня. Вот и осталось чувство. Да, – сказал он с грустью, – мужчины всегда по ней с ума сходили, в этом и вся проблема, наверное.

Марина поняла, как тяжело ему даются эти воспоминания, и больше разговоров не заводила. Ей казалось, что она сумеет окончательно вытеснить из сердца мужа болезненное прошлое. После рождения Ксюшки счастливее человека, казалось, и не было, и Марина расслабилась, успокоилась. И вдруг это! «Ну, Левка, попадётся ты мне!»

Все мечты, вынашиваемые насчёт парочки медовых деньков, рассыпались, как карточный домик. Она занялась уборкой стола, чтобы отвлечься. Павел весь оставшийся вечер был непривычно молчалив...

В один из дней, вернувшись с дочерью после прогулки, она увидела портрет на стене в столовой.

Возмущённая до глубины души, вбежала в кухню, где муж смотрел телевизор.

– Паша, ты что это? Зачем? – буквально кричала она. Испуганная Ксюшка жалась к стене.

– Успокойся, Маришка! – Павел вскочил, прижал её к себе. – Успокойся! Смотри, ребёнка как напугала! Я позвонил Лёве. Он сказал, что это совершенно незнакомая женщина. Просто ему понравилась картина, он её и купил. Без всякой задней мысли!

Но Марина не слышала объяснения мужа. Каждый день теперь, проходя мимо картины, она ловила на себе взгляд надменных холодных глаз и чувствовала себя так, как будто улыбка, затаённая в уголках губ, предназначалась ей, ей, которая так и не смогла вытеснить бывшую возлюбленную из сердца любимого человека. Под каким-то предлогом она взяла дочь и уехала с ней к матери. Необходимо было успокоиться и подумать, что делать дальше.

...Поздним дождливым вечером в квартире художника Степанова раздался звонок. Молодой человек принёс аккуратно завёрнутый пакет, в котором оказался портрет женщины, недавно проданный Степановым за кругленькую сумму. Степанов вопросительно смотрел на ночного гостя:

– Вас что-то не устраивает в картине?

Гость мялся в коридоре, не решаясь объяснить истинную причину визита:

– Я вас очень прошу взять её обратно. У неё аура отрицательная, я могу потерять из-за неё близкого человека. Возьмите, прошу вас! Возьмите, просто так.

Степанов пожал плечами, но картину взял...

...Павел пил чай на опустевшей кухне, в очередной раз обдумывая, что должен сказать жене. Звонок мобильного прервал размышления:

– Паша, – голос Марины, срывающийся от волнения и нежности, звучал для него сейчас как музыка, – прости меня, пожалуйста, за глупость. Ведь это же просто картина, в конце концов я привыкну. Ведь это всё в прошлом, а мы с Ксюшей твоя настоящая жизнь. Правда?

– Солнышко, возвращайся, ужасно соскучился по тебе и дочке. Ты права, вы моё настоящее. И очень счастливое настоящее. А всё остальное...

Он почувствовал ком в горле и не смог договорить начатую фразу...

...После ухода гостя художник Степанов поставил картину на пианино и отошёл на несколько шагов назад:

– А ведь как живая.

Он с гордостью подумал, что ему точно удалось передать взгляд этих необыкновенных глаз, каждую чёрточку красивого подвижного лица. Память мгновенно унесла его в то время, когда он познакомился с этой потрясающей женщиной. Вдруг взгляд его упал на фотографию жены и детей, которая стояла рядом. Степанов глубоко вздохнул: «А всё-таки хорошо, что я тогда не поддался её чарам и не уехал за ней в Париж!»

Куда уводят мечты...

Кто сказал, что время бежит куда-то без остановки? Мне кажется, что оно растекается по закоулкам памяти, оставляя там вечные отметины, которые невозможно забыть. И мы чувствуем его, время, когда вспоминаем какие-то моменты своей жизни. Вот время, когда мы были молоды и счастливы. А вот оно же, только уже в другом качестве: мы, умудрённые опытом, оглядываемся назад, понимая суть своих ошибок, жалея о том, что не успели сделать. Только за нами уже не стоит это беззаботное молодое «завтра», когда кажется, что всё будет вечно.

Выросла дочь, и теперь я живу в другом измерении, живу её чувствами, её жизнью, её ощущениями, я впитываю чужой опыт, как губка, но, к сожалению, не могу поделиться с ней своим. Всё равно ведь не услышит, не захочет принять к сведению. Я не хочу учить её на своих ошибках. Пусть всё пройдёт сама. И когда-нибудь время сплывится для неё в огромный шар, и ей захочется рассказать своему сыну или дочери свою историю. И, грустно усмехаясь в морщинки, она, как и я, поймёт, что каждый проходит свой путь, ничего не принимая на веру. Пусть только её путь будет удачнее моего...

...Навстречу шёл Ван Клиберн. Нет, я не сходила с ума от выматывающей жары, – это был он, весёлый и молодой, в рубашке с закатанными по локоть рукавами. Он шёл и улыбался во весь рот всему, что видел вокруг. Валерка даже поставил чемоданы прямо на мокрый от поливальной машины асфальт и, сдвинув набекрень кепку, присвистнул.

Мы приехали в Москву провести медовый месяц. Друзья обещали пристроить в общежитии, но в последний момент что-то не заладилось, и пришлось прокатать пол-Москвы, прежде чем появился невесть откуда взявшийся Степан, совершенно нам незнакомый. Двоюродный брат друга нашего друга, который потащил нас пешком в этот странный переулок, где, по его словам, вполне вероятно, нас ждали и ужин, и ночлег.

Но я даже предположить не могла, что в этом богом забытом месте увижу звезду мировой величины. Всё было ещё свежо в памяти, конкурс Чайковского прошёл совсем недавно, и мы успели влюбиться в этого удивительного паренька, фотография которого обошла все газеты.

Я толкнула Валерку под руку, мол, неудобно, подумает, что мы тут вообще людей не видели. Он поскрёб затылок, водрузил кепку на прежнее место и затрусил за широко шагающим Степаном.

Ещё раз посмотрев вслед уходящей звезде, я разочарованно вздохнула. Везёт же некоторым, наверное, здесь у него какие-то знакомые.

Да, вот что значит Москва. Сделала несколько шагов – и сразу звезда такой величины. Не то что в нашем маленьком городке.

Поднимаясь по ступенькам, Степан с важным видом рассказывал о том, что в Москве даже деревья помнят великих. Если бы они могли говорить, столько бы всего порассказали!

Перед старой деревянной дверью остановились, и Степан с силой надавил на дверной звонок.

– Тут всё время что-то заклинивает, – объяснял он, продолжая играть роль гида.

Так как реакции на звонки не было, пришлось стучать, да ещё с силой.

На шум вышла женщина из соседней квартиры, с удивительно приятным открытым лицом, выражающим неподдельное участие.

– Напрасно стучите, молодой человек!

И, видя наше недоумение, объяснила:

– Так ведь нет их никого... Сеня в армии, а Людмила давно уже с мужем на Сахалине живёт. Я тут за квартирой приглядываю, сами знаете, люди всякие бывают.

Степан наконец обрёл дар речи:

– А вы, гражданочка, не знаете, случаем, не сдаёт ли кто квартиры?

– Так вы по этому вопросу... А кому квартира нужна и на какое время?

Уже в сотый раз пришлось объяснять, в чём проблема. Отнеслась она к нашему сообщению на удивление совершенно естественно.

– Молодожёны? Так ко мне идите, я всё равно практически всё время одна, сын заходит, но крайне редко. Меня Верой Николаевной зовут, будем знакомы. Живите, сколько нужно, мне всё веселее. Только вот одна проблема: комната хоть и большая, но одна. Я вам ширму поставлю, устроит?

Она заглядывала в глаза Валерке, в котором почему-то признала основное действующее лицо. Тот, мельком взглянув на меня, как-то очень быстро согласился. Честно говоря, мне уже тоже было всё равно.

С утра на ногах по изнурительной жаре, тут уж представить себе было страшно, что можно ещё куда-то идти.

Больше всех обрадовался Степан. Он играл роль гостеприимного москвича, но чувствовалось, что и ему порядком поднадоело болтаться с нами по нескончаемым улицам, и перспектива сиюминутного устройства его вполне устраивала.

– Вы проходите, ребята, проходите, – ворковала женщина. Голос, такой приятный, грудной, вызывал доверие, успокаивал. – Вот сюда проходите, вот здесь ширмочку вам поставлю.

Комната под стать хозяйке, такая же приветливая и аккуратная. Я и предположить не могла, в какую интересную семью мы попали.

Весь следующий день болтались по знойным московским улицам, ели мороженое в вафельных стаканчиках и наслаждались тем, что мы наконец-то одни. В огромной коммунальной квартире, с её вечным шумом и криками, руганью соседей по поводу и без повода, с её любопытством, подслушиванием и сплетнями, невозможно было чувствовать себя счастливыми в полной мере.

Валерка радовался, как ребёнок, которому родители наконец-то разрешили выйти из угла, и вот он на свободе и только сейчас ощутил, насколько прекрасен мир, огромный и солнечный, и так хочется прыгать и радоваться, и чем громче, тем лучше. Я, воспитанная в профессорской среде, с детства ходившая на цыпочках, когда папа работал, пыталась успокоить его, оглядываясь по сторонам, опасаясь возможных неожиданностей. Но люди, проходящие мимо нас, либо были заняты, либо искусно создавали видимость занятости, потому что на нас никто не обращал внимания. А может быть, все видели маленькое обручальное колечко на моём пальце, которое я демонстрировала с удовольствием, и думали о том, какая милая семейная пара, какие они молодые и красивые, у них впереди вся жизнь, такая же замечательная, как они. Ну, это я, конечно, всё придумывала сама, потому что никто нам ничего подобного не говорил.

Домой вернулись за полночь. Нажимая кнопку звонка, я внутренне напряглась: боялась гнева хозяйки, всё-таки гости и непонятно что себе позволяют. Валерка смотрел на меня ободряюще, но по напряжённому сморщенному лбу я поняла, что он волнуется не меньше меня. Вера Николаевна не спала. Она с улыбкой встретила нас и любезно предложила чаю с домашним печеньем. Валеру разморило после первой же чашки, он быстро заснул, а я почему-то не торопилась ложиться, у меня было ощущение, что мне предстоит услышать что-то важное и интересное.

– Лизонька, а вы любите старые фотографии? – вдруг спросила Вера Николаевна, отодвигая чашки.

Я кивнула. Не могу сказать, что меня очень уж сильно и интересовали фотографии совершенно незнакомых мне людей. Но мне не хотелось обижать хозяйку, с такой добротой принявшей нас под свою крышу, так что посидеть с ней лишний часок над старым альбомом не представлялось мне чем-то неприятным.

Вера Николаевна листала страницы, рассказывая о людях, с которыми была связана её жизнь, а я слушала с интересом, потому что люди, с которыми свела её судьба, были известны всей стране, и для меня, провинциальной девочки, всё это было чем-то божественным. Юная Верочка в балетной пачке, ещё в пору учёбы в училище, а вот она же, но уже с приятным молодым человеком, держащим в руках гитару. Они поженились сразу же после окончания Верой училища, и вместо того, чтобы танцевать Одетту, она отправилась, как жена декабриста, за своим мужем по концертным площадкам и маленьким концертным залам, ни секунды не сомневаясь, пожертвовала всем ради любимого человека. Я даже задумалась, а смогла бы я ради своего Валерки забыть о своей органической химии, и, честно говоря, не смогла чётко ответить на это вопрос.

Вера Николаевна рассказывала и о Лемешеве, с которым свела её судьба, и о знакомстве с Козловским, но моё внимание уже привлёк совсем другой снимок. На фото Вера Николаевна была снята вместе с Ваном Клиберном. Тем самым Ваном, которого не далее как вчера я видела у этого дома. Я даже зажмурилась от неожиданности.

Вера Николаевна исподволь лукаво наблюдала за мной.

– Но откуда вы знаете?..

Она рассмеялась.

– Видите ли, Лиза, не всё так просто... Мне бы не хотелось продолжать эту игру в загадки, но давайте лучше отложим всё до завтрашнего дня, и я думаю, что завтра всё вам станет понятно и без слов.

Видя моё разочарование, она приобняла меня за плечи и легонько подтолкнула в сторону ширмы.

– Негоже надолго оставлять молодого мужа одного. У нас ещё много времени впереди.

Я негодовала. Шумно раздеваясь за ширмой, я хотела продемонстрировать Вере Николаевне всё своё возмущение.

«Ну вот, в самый интересный момент... Что же это за тайны такие», – думала я.

И к чему такая спешка? Валерка спал, подложив под щеку ладонь, спал сладко и безмятежно, разбросавшись по кровати. Я с тоской представила себе, какие сложности уготованы мне этой ночью, потому что уже не разбудить его, не сдвинуть с места не представлялось никакой возможности. Скромно прикорнув на оставшемся кусочке кровати, я решила не спать до утра, чтобы ничего не пропустить из возможных открытий.

«Не буду спать, и всё...» – твердо решила я... и заснула как убитая.

Весь следующий день мне было не до старых фотографий, потому что нам совершенно неожиданно привалило неслыханное счастье: достали два билета на премьеру оперы Сергея Прокофьева «Повесть о настоящем человеке». Я помню своё волнение от предстоящей встречи с большой музыкой, я до сих пор живу этими переживаниями.

Мне хотелось, чтобы это чудо никогда не заканчивалось, но главное ждало нас впереди: на сцену пригласили самого Алексея Мересьева, человека-легенду. Мы с галёрки приветствовали его появление бурными аплодисментами. Рядом сидели такие же молодые люди с восторженными лицами, горящими глазами, ощущающими в тот момент свою причастность истории, и какой истории! Мересьев, о котором тогда ходили легенды, был не просто сильным и волевым человеком, он был частью того мира, который был для нас по тем или иным причинам закрыт. Я вдруг подумала в этот момент, что он удивительно похож на исполнителя главной роли, ну, просто близнецы, и это потрясло меня не меньше, чем всё предшествующее действо.

Когда мы вышли на улицу, мне не хотелось говорить. В душе ещё звучала музыка, и Валерка, пристающий с какими-то нелепыми, не соответствующими моменту нежностями, вызывал у меня раздражение.

– А давай в кино на последний сеанс? Заберёмся на самый верх, чтобы никто не видел, а?

Я отмахивалась от него, как от назойливой мухи. Только упоминание о Вере Николаевне, которая уже однажды простила нам нашу бестактность с поздним приходом, сыграла свою роль, и Валерка замолчал. Также молча мы добрались до нашей временной квартиры на Арбате. Почему-то не хотелось возвращаться в душную темноту комнат. Вечер был немного свежий, но удивительно приятный, и было желание бродить вдвоём по улицам просто так, не говоря ни о чём.

Но, к сожалению, мы не были хозяевами положения, и нужно было считаться с теми условиями, на которые мы пошли только для того, чтобы побывать в Москве в свой медовый месяц. Как часто потом я буду вспоминать все эти ощущения, возвращаться мыслями в этот далёкий город, который совершенно неожиданно стал мне таким родным и близким.

Вера Николаевна, казалось, стояла под дверью – так быстро она отреагировала на наш звонок. Наверное, наши одухотворённые лица говорили красноречивее любых слов, потому что она просто с ходу спросила:

– Слушали музыку?

И, увидев наши удивлённые лица, пояснила:

– Такие глаза бывают только у людей, впитавших только что хорошую музыку, это ощущение какой-то наполненности, которую боишься расплескать и несёшь осторожно, как коромысло с вёдрами, доверху наполненными водой.

Её радость за нас была настолько искренней, что мне стало стыдно за свой вчерашний демарш. После вкусного ужина пыталась было прилечь, но, согласитесь, что даже за ширмой, в комнате, не разделённой хотя бы какой-то стеной, мы с Валеркой чувствовали себя не очень-то удобно. Поэтому приходилось скорее играть роль не молодожёнов, а искренне любящих друг друга брата и сестру. Мне казалось, что Вера Николаевна понимала наши проблемы, но сделать больше, чем уже сделала, было не в её силах, и она молча переживала за нас, считая, вероятно, и себя в какой-то степени виновницей наших неудобств.

Когда я высунула голову из-за ширмы, она сидела, наклонившись над столом, и что-то писала, периодически откидываясь назад и задумываясь.

– Можно к вам?

Она вздрогнула, услышав мой вопрос, видно было, что мысли унесли её куда-то очень далеко, а потом, разобравшись, что к чему, радостно кивнула, как будто только этого и ждала. Как я и ожидала, разговор сначала пошёл о нас с Валеркой.

– Я вижу, что вам неловко со мной. Была бы возможность, пожила бы временно у соседки, но, сами знаете, как всё получается. Без разрешения я лишний раз и не зайду туда.

– Да не переживайте вы так, мы же Москву посмотреть приехали, через несколько дней всё равно возвращаться. Сейчас главное другое.

Я повернулась в сторону ширмы, прислушиваясь, не проснулся ли муж.

Она проследила за моим взглядом и коротко вздохнула.

– Вам знакома фамилия Н-ский? – спросила она.

Ну, как же, конечно, я знала этого человека, его именем был назван пролив на Дальнем Востоке. Мне было интересно, почему она спросила меня об этом.

Вера Николаевна заметила моё удивление.

На одной из страниц альбома она показала мне фотографию совершенно неизвестного мне человека, ещё раз назвала его фамилию и представилась мне его племянницей. Всё больше и больше меня захватывал этот мир, в котором я чувствовала себя гостьей, но который так притягивал меня какой-то совершенно другой реальностью.

Мы просидели всю ночь, разговаривая о её великих корнях, о человеке, который всегда был для меня только частью истории, а в эту ночь стал как-то ближе благодаря Вере Николаевне.

О том, чтобы устроиться рядом со спящим Валеркой, не было и речи, и я чуть прикорнула на маленьком диванчике на кухне.

– Вот это да! – присвистнул муж, зайдя утром с полотенцем в мою опочивальню. – А я думал, куда это ты пропала.

Мне не терпелось всё рассказать ему, тем более что мы были совершенно одни: Вера Николаевна уже побежала за хлебом и молоком.

Валерка был настроен весьма решительно и не проявлял интереса к моему рассказу.

– Иди ко мне, – просил он, притягивая меня к себе и пытаясь поцеловать, чем очень злил меня. Я ему такие интересные вещи сообщаю, а он...

Он надулся, как обиженный малыш, и сложил руки на груди, как делал всегда, когда хотел показать, как ему плохо.

– Ты совсем чужая стала... Ты, в конце концов, жена мне или не жена? У меня, между прочим, медовый месяц, а я тут сплю один, как сирота казанская! Где это видано?

Я смотрела на него и чувствовала свою вину. Ну, действительно, совсем с московскими премьерами да гулянками забыла о молодом муже, он же не виноват, что живёт в другом мире, где больше реальности, чем романтики, где всё должно быть разложено по полочкам, где жена просто жена, а не восторженная экзальтированная барышня.

«Сама замуж шла, никто не принуждал», – сказала бы сейчас мама и была бы совершенно права, но рассудок с сердцем не всегда в ладу, поэтому никому не объяснишь, что хотелось бы жить иначе. Наверное, у всех так: сходятся люди, разные по своим представлениям, а потом друг к другу как-то приспособливаются, пристраиваются как-то, и жизнь выравнивается и течёт себе спокойно.

Я думала о своём, пока Валера продолжал бубнить что-то себе под нос, и мы не сразу отреагировали на звонок в дверь.

– Вера Николаевна вернулась. Ты уж попритихни. Позавтракаем, поговорим где-нибудь на природе.

Я открыла дверь.

На пороге стоял... Нет, это было невозможно... Я, вероятно, бредила наяву.

Ван Клиберн весело улыбался мне, хотя и он, видно, не совсем понимал, кто я такая и откуда взялась. Потом на чистейшем русском языке он попросил разрешения войти и обождать Веру Николаевну.

Округлившись глаза Валерки при виде парня говорили о том, что он ошарашен ничуть не меньше меня. Прошло всего несколько лет после того памятного конкурса, и не настолько мы были избалованы впечатлениями, чтобы спутать этого потрясающего паренька с кем-нибудь ещё. Но тут было явно что-то не так.

Несколько минут прошли в тягостном молчании. Потом парень взял ситуацию в свои руки.

– Вы, наверное, квартиранты? Хотя мама мне ничего не говорила. Я ведь был у неё несколько дней назад. Да вы успокойтесь, – улыбаясь во весь рот, проговорил парень. – Может быть, вам автограф дать? Так вы скажите, не стесняйтесь.

– Сашуля, – воскликнула Вера Николаевна, совершенно неожиданно появляясь в комнате. – Ты откуда? И даже не предупредил, – укоризненно качая головой, продолжала она. – Это хорошо, что ребята здесь, а то ты мог бы меня не застать.

Видя наши удивлённые лица, она засмеялась.

– Да, вот такое сходство с известным музыкантом. Когда он ко мне из училища несколько лет назад приезжал, на каждом шагу останавливали, автограф просили, а он с удовольствием раздавал. Шутник, да и только. Кстати, Лизонька, у Саши та же фамилия, что и у меня. Разрешили взять, чтобы известная династия не прервалась. Вот такие дела.

Пили чай с булками и песочным печеньем. Саша острил, в лицах рассказывая о годах учёбы в Нахимовском училище.

– Я и сейчас к маме редко выбираюсь, работа, – как-то сдержанно ответил он на мой вопрос о том, как часто они видятся. Я поняла только, что работа носила секретный характер, потому что он не особенно распространялся.

Валерка уже в который раз дёргал меня за рукав, намекая на то, что нам пора, но я не могла уйти от этого человека. Что-то было в нем удивительно притягательное: улыбка, что ли? Такая чистая, открытая, что хотелось смотреть и смотреть на него снова и снова.

Через несколько дней после этого знакомства мы покинули гостеприимный дом Веры Николаевны и, дав слово обязательно остановиться только у неё в следующий свой приезд в Москву, отправились на вокзал. Я никому не сказала, что в моём маленьком чемоданчике среди скромных платьев и белья лежала фотография Саши, которую я стащила из замшевого альбома Веры Николаевны. Я чувствовала себя воришкой, но поступить иначе не могла.

Проносились за окном вагона города, полустанки, Валера всю дорогу читал или курил в тамбуре, периодически пытаясь разговаривать со мной, но я молчала, боясь расплескать что-то такое, что увозила в своей душе из дорогой теперь для меня Москвы.

Через год мы разошлись. Как-то легко и просто. Я ничего не сказала мужу про беременность, а он, по-моему, и не хотел ничего знать. Он собирался ехать на молодёжную стройку, и планов у него было громадье, как говорил Маяковский. Я же уходила в никуда. Просто так и не смогла забыть своего русского Вана Клиберна.

И целой жизни мало...

Его принёс ураган, не иначе. Он появился в один из дней, когда небо очистилось от тяжёлых свинцовых занавесей и песочная пыль мягко улеглась на дорогу. Легко ступая по прямой, еще не успокоившейся земле, он шёл к привокзальной гостинице, на пороге которой стояла краснощёкая хозяйка в белоснежном фартуке. Никто не видел его спрыгивающим с подножки проходящего мимо состава, ни одна посторонняя машина в этот день в город не въезжала, из-за чего многие пришли к выводу, что его принёс ураган из каких-то дальних краёв. Спустя час его чёрную шляпу заметили в городе, заметили потому, что именно она, эта шляпа, выдавала в нём чужака. Крепко просолённая, выбеленная ветром куртка свидетельствовала о его нелёгком морском прошлом, а курчавые длинные волосы, которых давно не касался парикмахер, говорили о том, что он долго был вдали от цивилизации. Пронзительно-синие глаза на тонком, дочерна загорелом лице жили какой-то своей жизнью, совершенно недоступной окружающим.

Хозяйка гостиницы недоверчиво рассматривала незнакомца. Её смущала потрёпанная куртка, открытое обветренное лицо, его властный голос. Была бы её воля, она бы впускала в город только по особому разрешению, потому что нечего тут делать разного рода проходимцам – возмутителям спокойствия. Только тогда, когда он достал из заплечного мешка кипу бумаги, скрученную в рулон и перехваченную шпагатом, и, глядя мимо неё, объявил, что приехал сюда исключительно по требованию издателя, она немного успокоилась. Но только немного, потому что не было у неё доверия к человеку, который, натянув шляпу по самые брови, исподтишка разглядывал прохожих, потягивая густой чёрный кофе. Как потом оказалось, он был писателем. И хотя это солидное слово совершенно не вязалось с его непомерно земным обликом, оно вызывало восторг и волнение у тех, кто слышал его...

... Ярмарочные дни всегда были любимым развлечением жителей города. Где ещё можно увидеть столько диковинок, прикупить запасы продуктов, посплетничать вволю! Люди, уставшие от урагана, выбирались из своих укрытий, щурясь от непривычно чистого, яркого солнца, и всё вокруг с приходом ярмарки пробуждалось и возвращалось к жизни. Хорст ходил по рядам со скучающим видом. Всё это он видел в разных портах, да и видел намного больше того, что видят эти люди. Ему здесь нечего было делать. Он вспомнил изрытое оспинами, усталое лицо издателя, втолковывающего ему, Хорсту, правила, которых не существует в жизни, но которые почему-то обязательно должны быть в романе. Хорст, усмехаясь про себя, внимательно разглядывал издателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.